

Нет автора

Русская старина

1905. 4_6

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1905. 4_6 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 736 с.

ISBN 978-5-458-02874-5

ISBN 978-5-458-02874-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

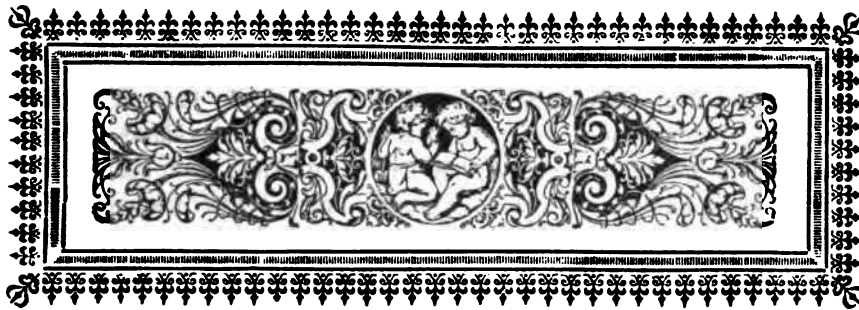
„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

за 1897—1902 г.г.

Цѣна съ пересылкою для подписчиковъ „Русской Старины“

1 рубль, а для всѣхъ остальныхъ 1 рубль 50 коп.

—◆◆◆—

Записки Порфирія Николаевича Глѣбова ¹⁾.

28-го октября.

Сегодня утромъ, по обыкновенію, былъ у Кноринга. Бумаги все такія же, какъ и вчера, одна ничтожная канцелярская переписка, а о настоящемъ вооруженіи ни слова.

Между прочимъ, интересно было мнѣ узнать отъ самого Кноринга о взятіи Кинбурна союзниками. Они бомбардировали его два раза 30-го октября въ продолженіе четырехъ часовъ и 5-го— въ продолженіе пяти часовъ. Гарнизонъ весь сдался. Орудій тамъ было до 200 и пороху до 5 тыс. пудовъ, и все это досталось въ руки непріятеля. По словамъ плѣнныхъ офицеровъ французскихъ, съ которыми самъ государь разговаривалъ,—наша артиллерія въ Кинбурнѣ дѣйствовала превосходно. Правда, снаряды, попадавшіе въ борты канонерскихъ лодокъ, не пробивали ихъ, а потому были и недействительными, но зато навѣсными выстрѣлами нанесли имъ много вреда; изъ нашего гарнизона убито и ранено всего 85 чел., а остальные 1.500 всѣ живыми взяты въ плѣнъ. Быть можетъ, французы и лгали, желая польстить государю; но это единственный источникъ, изъ котораго въ настоящее время могли мы имѣть свѣдѣніе объ участи кинбурнскаго гарнизона.

Кинбурнъ сдался 5-го октября. Со стороны Очакова взорвали Николаевскую батарею. На это, говорятъ Кнорингъ, имѣлъ онъ вы-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ мартъ 1905 г.

сочайшее разрѣшеніе, чтобъ не дать непріятелю предлога бомбардировать и Очаковъ. Взорвали также и единорожную батарею по-пустому; но это случилось отъ недоразумѣній, отъ поспѣшности офицера. Теперь снова рождается у меня недоумѣніе: для какой цѣли сооружать укрѣпленныя мѣста безъ самостоятельной обороны? При появленіи непріятеля,—или попадаютъ они дешево въ руки непріятеля, или мы сами взрываемъ ихъ на воздухъ!

Сегодня утромъ Кнорингъ отдалъ мнѣ визитъ; сидѣлъ у меня болѣе часу.

На мѣсто Шабельскаго назначенъ Гельфрейхъ, который уже отправился въ Крымъ. Про Гельфрейха идетъ молва, что онъ съ хорошими военными способностями. А при настоящихъ обстоятельствахъ, когда Севастополя уже не стало, и когда можно ожидать полевыхъ дѣлъ, армія должна имѣть хотя одного хорошаго кавалерійскаго генерала.

29-го октября.

Сегодня, въ Главной квартирѣ, въ Бахчисараѣ, должна быть большая суматоха. Государь, великіе князья и герцогъ мекленбургскій уже тамъ. Они останутся въ Бахчисараѣ сегодняшній и завтрашній день, а потомъ возвратятся: государь, великій князь Михаилъ Николаевичъ и герцогъ—прямо въ Петербургъ, а великій князь Николай Николаевичъ—снова сюда, но надолго ли, не извѣстно. Великій князь Константинъ Николаевичъ и теперь здѣсь, но 1-го ноября, говорятъ, уѣзжаетъ также въ Петербургъ.

Большое было оживленіе въ Николаевѣ, пока здѣсь былъ Дворъ. Ежедневные смотры и парады по утрамъ, а послѣ царскаго обѣда—музыка на бульварѣ и гулянье. Государь и всѣ великіе князья всегда присутствовали на этомъ гуляньѣ. Стеченіе публики ежедневно было большое, особенно женскаго пола; кажется, всѣ дамы николаевскія стоворились, чтобъ не пропускать ни одного гулянья. Разумѣется, нѣкоторыя изъ нихъ были такъ счастливы, что имѣли случай и покетничать съ молодыми великими князьями, которые держали себя здѣсь чрезвычайно популярно и находили удовольствіе быть въ толпѣ, въ сумеркахъ. Рассказываютъ даже про одну вечернюю бесѣду, которую будто бы велъ великій князь Николай Николаевичъ съ одною изъ николаевскихъ дамъ, сидя съ нею вдвоемъ на скамеечкѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ другихъ гуляющихъ. Услышавъ отъ своего высокаго собесѣдника, что онъ особенно любитъ женщинъ высокаго роста, а дама „en question“, хотя и очень хорошенькая, но росту была меньшаго, она тотчасъ же пропицала: „Ахъ! какъ бы я желала быть высокаго роста!“ Рассказываютъ также, что въ Николаевѣ

проживаетъ какая-то миловидная дѣва — Морозова, столько же хорошенькая, сколько и тщеславная. Великій князь Николай Николаевичъ и на нее обратилъ вниманіе и даже, говорятъ, будто бы удостоивалъ эту тщеславную красавицу неоднократнымъ своимъ посѣщеніемъ. Разумѣется, такое высокое вниманіе къ красотѣ въ конецъ вскружило голову прекрасной дѣвы, и она по цѣлымъ днямъ только и болтаетъ, что — когда „Николай Николаевичъ“ былъ у нихъ, что — когда „Николай Николаевичъ“ ее замѣтилъ на гуляньѣ, — или на парадѣ, что — когда „Николай Николаевичъ“ говорилъ съ нею въ саду, наединѣ, или при свидѣтеляхъ; словомъ, только и рѣчи, что про „Николая Николаевича“. На эту пору пріѣхалъ къ Морозовымъ дальній ихъ родственникъ, какой-то морской офицеръ. Прислушиваясь къ болтовнѣ своей родственницы, онъ сначала думалъ, что она вспоминаетъ о Николаѣ Николаевичѣ Зыбулкинѣ или Вислоуховѣ, общихъ ихъ знакомыхъ франтахъ николаевскихъ; однако, наконецъ, рѣшился спросить, — кто это такой Николай Николаевичъ, о которомъ она такъ часто и фамильярно вспоминаетъ. — „Какъ! кто такой? Да ты развѣ не знаешь?“ — „Если бѣ зналъ, то не сталъ бы и спрашивать, отвѣчалъ морякъ. — „Да это великій князь!“ — „Какъ! великій князь??“ — „Ну да, самъ великій князь, его императорское высочество!“ — Съ этимъ словомъ, морякъ бросаетъ свою гитару, застегивается на всѣ пуговицы и почтительно говоритъ: — „Виновать, извините, не зналъ... я совсѣмъ думалъ о другомъ Николаѣ Николаевичѣ... и потому позволялъ себѣ говорить съ вами по обыкновенію безцеремонно... но теперь... мнѣ уже не подобаетъ... и т. д. Не знаю, справедливъ ли и этотъ анекдотъ, но записываю его, какъ слышалъ.“

Государь на бульварѣ встрѣтилъ одного кирасирскаго офицера, который не отдалъ ему чести. Онъ тотчасъ же послалъ его на гауптвахту, сказавъ ему: „вы могли не узнать во мнѣ государя, но, по формѣ, должны были видѣть, что я генераль, а потому и должны были отдать мнѣ честь“.

Провожденіе времени членовъ императорской фамиліи распределено было слѣдующимъ образомъ: вставали всѣ рано. По утрамъ никакихъ пріемовъ парадныхъ, официальныхъ; являлись только по дѣламъ. Даже въ день своего рожденія, 13-го октября, великій князь Михаилъ Николаевичъ никого не принималъ, и только немногіе, въ томъ числѣ и я, удостоились урывкой, при проходѣ его послѣ обѣдни, — отъ государя на свою половину, поздравить его. Все утро посвящалось занятіямъ. Великіе князья почти ежедневно объѣзжали укрѣпленія оборонительныхъ линій, слѣдили лично за поспѣшностью земляныхъ работъ, за вооруженіемъ и т. п., или бывали въ Адмиралтействѣ, присутствовали на смотрехъ и на парадахъ. Въ 4 часа —

обѣдѣ у его величества. Послѣ обѣда гулянье на бульварѣ, который тянется у самаго дворца,—до 5 часовъ вечера. Потомъ занятія кабинетныя. Ежедневно въ это время я являлся съ бумагами къ великому князю Михаилу Николаевичу и почти ежедневно видѣлъ великаго князя Николая Николаевича—также за работою. Въ 10 часовъ собирались къ великимъ князьямъ ихъ приближенные и играли въ карты. Иногда приходилъ въ это время на половину великихъ князей и государь. Ужинали ихъ высочества у государя съ весьма немногими, которые удостоивались приглашенія отъ его величества. Такъ проходили дни за днями, и надо сказать, что присутствіе въ Николаевѣ членовъ императорской фамиліи принесло большую пользу. Не будь ихъ, и десятой части не сдѣлали бы того, что сдѣлали теперь для укрѣпленія г. Николаева. Теперь уже не успѣли августѣйшіе гости наши и уѣхать, а все охладѣло, и замѣтно, что по всѣмъ частямъ руки у дѣятелей опустились. Но замѣтнѣе всего это—по части артиллерійской. Кнорингъ вовсе не заботится о вооруженіи, а думаетъ только объ учрежденіи своего глупаго управленія. До сихъ поръ отношенія мои къ нему самыя пріятныя, могу сказать, дружескія, но все-таки я вижу въ немъ человѣка самаго мелкаго и пустаго.

30-го октября.

Вотъ образецъ безтолковости Кноринга. Вчера прислалъ онъ ко мнѣ записку отъ великаго князя генераль-адмирала, при коей приложена вѣдомость всему артиллерійскому имуществу, которое имѣется въ здѣшнихъ морскихъ магазинахъ; въ запискѣ его высочество требуетъ, чтобъ представлена была ему опись тѣмъ припасамъ, въ которыхъ мы можемъ нуждаться, и не позже, какъ завтрашняго числа, т. е. сегодня. Сообразивъ, въ чемъ именно, по предметамъ лабораторнымъ и арсенальнымъ, встрѣтится для вооруженія Николаева надобность, я приблизительно составилъ требуемую великимъ княземъ опись и приказалъ уже ее переписывать, какъ Кнорингъ потребовалъ меня къ себѣ. Не вникнувъ въ мое распоряженіе, онъ сталъ упрямо доказывать мнѣ, что въ настоящее время невозможно съ точностію опредѣлить, въ чемъ именно можемъ нуждаться, потому что земляныя работы не на всѣхъ еще укрѣпленіяхъ окончены, и не всѣ еще орудія поставлены, а потому въ этомъ смыслѣ и приготовить донесеніе его высочеству. Сколько ни доказывалъ ему, что намъ не слѣдуетъ отказываться отъ того, что самъ великій князь предлагаетъ намъ,—при томъ не представивъ ему описи,—не исполнимъ мы и его повелѣнія,—Кнорингъ упорно настаивалъ на своемъ и окончательно приказалъ мнѣ, чтобъ я приготовилъ одно только донесеніе, и въ томъ смыслѣ,

какъ онъ объяснилъ мнѣ. Нечего дѣлать, надо было отмѣнить переписку на-бѣло составленной уже мною описи и сдѣлать такъ, какъ онъ приказывалъ, что я и исполнилъ, просидѣвъ за письменнымъ столомъ за полночь. Когда же, рано утромъ, явился я къ нему съ черновыми бумагами,—первое слово, которое спросилъ онъ меня: „гдѣ же опись имуществу, которую требуетъ великій князь?“—Да вы не приказали ее составлять.—„Какъ не приказалъ, помилуйте!“—Да я вчера вамъ докладывалъ... — „Помилуйте, да этакъ мы ничего не успѣемъ сдѣлать, все будемъ только докладывать, надо дѣло дѣлать, а не докладывать“—и пошелъ городить такую дичь, что я просто въ тушигъ сталъ и не захотѣлъ болѣе отвѣчать ему. Вотъ съ какими гусемъ пришлось мнѣ служить. Начальники бываютъ двухъ родовъ: одни—смирные, съ полнымъ сознаниемъ своего ничтожества, и потому безъ оглядки ввѣряющіе себя въ распоряженіе другихъ; таковъ нашъ дѣдушка, и съ нимъ Крыжановскому служить прекрасно; другіе же, столь же ничтожныя и неспособныя, какъ и первые, но самолюбивыя и заносчивыя; они собьютъ съ толку всякаго, кто желаетъ пособить бездарности ихъ; таковы—Ш—скій и Кнорингъ, хотя оба, быть можетъ, и люди добрыя, но служить съ ними—Боже упаси!

31-го октября.

Вотъ и другой образчикъ безтолковаго упрямства Кноринга. Рербергъ предлагаетъ перевезти изъ Тирасполи въ Николаевъ 8 осадныхъ орудій; кромѣ одного, всѣ остальные негодныя, съ разстрѣлами; при томъ, такого калибра, котораго у насъ и безъ того много. Не взирая на это, Кнорингъ сталъ настаивать, чтобы орудія были перевезены, и я успѣлъ только въ томъ, чтобы онъ повременилъ. Быть можетъ, надумается. Касательно же разстрѣловъ, доложилъ я ему соответствующій приказъ военнаго министра.

А у большей части осадныхъ орудій, которыя называетъ Рербергъ, разстрѣлъ болѣе одной линіи. Для чего же перевозить ихъ, и въ такое позднее время, когда они къ употребленію негодны; тѣмъ болѣе, что въ орудіяхъ этого калибра недостатка у насъ нѣтъ. Кажется, ясно какъ день, а Кнорингъ и этого не видитъ; досаднѣе же то, что онъ не хочетъ видѣть, когда и глаза ему открываютъ!

Получилъ сегодня письмо отъ Колобова. И онъ бѣжитъ изъ Крыма, просится въ шестимѣсячный отпускъ. Повидимому, Крыжановскій не слишкомъ удерживаетъ стариковъ-командировъ. Едва заикнулся Пуцингъ, какъ его тотчасъ же уволили отъ командованія батареею; то же теперь дѣлаютъ и съ Колобовымъ. Но молодые командиры замѣняютъ ли старыхъ? Опытности старослуживыхъ у нихъ нѣтъ и

быть не можетъ, а между тѣмъ, и не отличаются они, по крайней мѣрѣ тѣ, которыхъ я знаю, молодечествомъ и лихостью.

Вчера, 30-го октября, государь ночевалъ въ Симферополѣ. Въ Крыму онъ посѣтилъ не только Бахчисарай, но и Сѣверную сторону; нѣтъ сомнѣнiя, что ходилъ и по батареямъ. Воображаю, какъ много воодушевило присутствiе августѣйшаго гостя наши войска. Изъ Симферополя поѣдетъ государь уже прямо въ Петербургъ, не останавливаясь. Отсюда генералъ-адмиралъ долженъ выѣхать сегодня вечеромъ. Всѣ эти придворныя новости сообщили мнѣ Кнорингъ. Слухи о Крымѣ носятъ, но невѣрны. Рассказываютъ, напримѣръ, будто бы союзники вторично вышли въ большихъ силахъ изъ Евпаторiи и направились на наши сообщенiя, къ Тре-Абламъ, на дорогу, ведущую изъ Перекопа въ Симферополь, и будто бы наши гренадеры зашли имъ въ тылъ и стали между ими и Евпаторiей. Это просто сказка. Не такъ благопрiятеля наши глупы, чтобъ могли понасться въ такую западню, и, къ сожалѣнiю, не такъ мы умны, чтобъ могли поймать ихъ. Но другой слухъ правдоподобнѣе, и именно, говорятъ, будто бы большiя силы союзники сосредоточиваютъ въ Евпаторiи и въ Керчи, чтобъ съ этихъ двухъ противоположныхъ одинъ другому пунктовъ дѣйствовать въ одно время на наши сообщенiя; Байдарскую долину очистили, и на позицiяхъ Севастопольскихъ оставили войскъ весьма немного, столько, сколько нужно для обороны этихъ крѣпкихъ позицiй.

Занятiя мои у Кноринга, по-прежнему, канцелярскiя. Они меня нисколько не утомляютъ, но пользы отъ нихъ для вооруженiя я никакой не вижу.

2-го ноября.

Спицынъ говоритъ, что картину Севастополя 5-го октября 1854 года, первый день бомбардировки, легко нарисовать можетъ всякiй. Возьми полотно, да покрой его сверху до низу сѣрой краской, вотъ и картина готова.

Дѣйствительно, въ этотъ день не было ни малѣйшаго вѣтра, и пороховой дымъ густымъ облакомъ охватилъ весь Севастополь.

Новаго—ничего. Въ Крыму, говорятъ, все спокойно. Погода сухая и морозы. Завтра ждутъ сюда великаго князя Николая Николаевича.

3-го ноября.

Вчера вечеромъ, совсѣмъ неожиданно, явился ко мнѣ Васильевъ или Гасперскiй, одинъ изъ самыхъ старыхъ моихъ знакомыхъ, съ которымъ я отчаянно кутилъ еще въ прошлую турецкую кампанiю, въ 1828 и 1829 годахъ, потомъ встрѣчался также довольно часто

за бокаломъ вина въ Польшѣ, въ 1831 году; наконецъ, видѣлся съ нимъ и въ Петербургѣ. Онъ очень умный и способный человѣкъ, но пройдоха страшный: святаго у него ничего нѣтъ. Служилъ онъ и въ пѣхотѣ, и въ кавалеріи, былъ старшимъ корпуснымъ адъютантомъ и числился по генеральному штабу, сынъ любви—получилъ при рожденіи польскую фамилію Гасперскій, но просилъ, чтобы фамилію эту ему перемѣнили, и, послѣ польской кампаніи, покойный государь уважилъ его просьбу, повелѣвъ называться ему Васильевымъ; послѣ чего, въ чинѣ маіора, назначенъ былъ онъ состоять при Муравьевѣ, бывшемъ курскомъ губернаторѣ, откуда за недобрый дѣла былъ отчисленъ по кавалеріи, подвернулся въ это время къ какой-то вдовѣ съ состояніемъ, загадочно какъ-то на ней женился, вышелъ въ отставку и, наконецъ, теперь вновь поступилъ въ ополченіе подполковникомъ и начальникомъ дружины. Я уже очень давно, болѣе 10 лѣтъ, потерялъ его изъ виду, но, зная его прежнюю невоздержную жизнь, полагалъ, что онъ уже давнымъ давно отдыхаетъ въ сырой землѣ, какъ вдругъ вчера является онъ ко мнѣ такимъ же молодымъ, какимъ былъ и прежде. Удивительно—какъ это онъ могъ уцѣлѣть послѣ всѣхъ тѣхъ болѣзней, которыя перенесъ. Смотри на него и вслушиваясь въ его разговоръ, умный и находчивый, я въ мысляхъ переносился въ былое, въ лѣта безумной моей молодости, и посѣщеніе его наводило на меня и чувство пріятное, и грустное. Много, много съ этимъ человѣкомъ дѣлалъ я дурачества всякаго рода,—и онъ мнѣ тогда очень нравился; можно сказать, что онъ тогда мнѣ былъ такъ же милъ, какъ Мефистофель Фаусту. Никогда я въ немъ не обманывался, всегда видѣлъ въ немъ человѣка безъ строгихъ правилъ, но умъ его и манера вкрадчивая меня къ нему привязывали.

Государь утвердилъ медали за Севастополь. Новость эту привезъ великій князь Николай Николаевичъ, пріѣхавшій сюда сегодня изъ Крыму въ 2 часа по полудни. Въ Крыму послѣ посѣщенія государя все ожило. Вся армія въ полушубкахъ, въ новыхъ шинеляхъ и въ большихъ сапогахъ. По словамъ великаго князя, церемоніальный маршъ—какъ въ гвардіи. О непріятелѣ слуху никакого; на всѣхъ пунктахъ спокойно. Письменные занятія мои съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличиваются. Сегодня проработалъ у Кюринга цѣлое утро. Въ 3 часа вмѣстѣ съ нимъ обѣдалъ, и онъ просилъ меня каждый день у него обѣдать. Сношенія мои съ нимъ пока самыя пріятныя. Не знаю, что будетъ дальше.

5-го ноября.

Сегодня, 5-го ноября, въ 3 часа по полудни и великій князь Николай Николаевичъ оставилъ Николаевъ. Теперь уже изъ царской фамиліи никого здѣсь нѣтъ.

Наконецъ, склонился Кнорингъ на занятія настоящимъ дѣломъ,—вооруженіемъ. Сегодня я составилъ ему подробную вѣдомость объ орудіяхъ всѣхъ калибровъ, которыя поставлены уже на укрѣпленіяхъ объ орудіяхъ въ запасъ и о тѣхъ, которыя ожидаются изъ разныхъ мѣстъ. Онъ такъ обрадовался этой вѣдомости, что черновую тотчасъ же повезъ къ великому князю.

Вотъ еще образчикъ—какъ онъ понимаетъ свое дѣло, или, вѣрнѣе—какія Тотлебенъ внушаетъ ему нелѣпости по части артиллерійской.

Всего орудій на-лицо и въ ожиданіи 866; если выстрѣлить изъ каждаго орудія по одному разу, полагая въ зарядъ среднимъ числомъ 8 ф. пороха, то понадобится для одного выстрѣла изъ всѣхъ орудій—148 п. 8 ф.; но они предположили—изъ каждаго орудія въ день дѣлать 60 выстрѣловъ, на что понадобится въ день пороха 8 берк. 92 пуда, а въ мѣсяць 266 берк. 760 пуд. Цифра безумная! Предположивъ, что непріятель будетъ брать Николаевъ такъ же долго, какъ и возился съ Севастополемъ, 11 мѣсяцевъ,—для такой обороны потребуется, по предположеніямъ Кноринга и Тотлебена, 2.934.860 пуд. пороха. Нечего сказать, хорошо рассчитано! Но какъ упрямъ этотъ, человѣкъ! Когда я сталъ доказывать ему, что такъ рассчитывать нельзя, и никогда такого количества пороха Россія дать Николаеву не въ состояніи, на это онъ отвѣчалъ: „Ну, какъ хотятъ, а если желаютъ, чтобы Николаевъ оборонялся, пусть дадутъ, что намъ надо“. Чтобы образумить его, я долженъ былъ повести его во мнѣ и въ этой самой книгѣ указать ему достовѣрныя свѣдѣнія о количествѣ пороха, какое расходовалось въ Севастополѣ. Этими только я и могъ остановить его отъ глупости, которую замышлялъ онъ сотворить внесеніемъ своихъ предположеній о порохѣ въ отчетностяхъ главнокомандующему.

По-моему можно составить слѣдующее предположеніе, и то въ размѣрахъ самыхъ большихъ. Предположить на укрѣпленіяхъ дѣйствующихъ орудій—500; если выстрѣлить изъ каждаго орудія по одному разу зарядомъ 8 ф., понадобится для этого пороха 100 пуд. Назначить, какъ въ Севастополѣ, въ мѣсяць 26 дней обыкновенной стрѣльбы и 4 дня усиленной, для первой предположивъ 10 выстрѣловъ на орудіе, а для второй—50.

По этому предположенію для всѣхъ 500 орудій въ мѣсяць требуется 46 тыс. пуд., а въ 11 мѣсяцевъ 506 тыс. пудовъ.

И эти числа огромныя, особенно если взять предположеніе, что у насъ для цѣлой арміи во всѣхъ складахъ южной Россіи заготовлено съ небольшимъ 100 тыс. пудовъ пороха.

6-го ноября.

А вчера мы прешорядочно подгуляли: Павловъ, Зимницкій и я въ клубѣ. Это сборище моряковъ; кромѣ ихъ, нивого другаго и не видать. Послѣ преферанса—начинается на всѣхъ столикахъ банкъ и штось; моряки мечутъ, моряки и понтируютъ, вовсе не подозрѣвая, что это игра запрещенная. При томъ, всякій можетъ пріѣзжать сюда не записывая фамиліи и не платя за входъ ни копѣйки.

Костюмъ также не стѣснительный: кто въ чемъ хочетъ; вается, пріѣзжай и въ халатѣ, и никто на это не обратитъ вниманія. Одно не хорошо, то, что преобладающее занятіе—карты. Всякій озабоченъ только тѣмъ, чтобы составить себѣ партію; бесѣды никакой. Впрочемъ, это условіе всѣхъ клубовъ русскихъ—вечеръ и часть ночи убивать за картами. Непосвященному въ это занятіе въ клубѣ дѣлать нечего. Сегодня утромъ засталъ у Кноринга графа Стакельберга, да еще какаго-то генераль-адъютанта (Бенкендорфъ), возвращающихся изъ Крыма. Оба—люди обходительные и привѣтливые, много толковали о Крымѣ и о тамошнихъ событіяхъ, но ничего замѣчательнаго не сказали. Потомъ подъѣхали Перелешинъ и еще какой-то морской штабъ-офицеръ съ перевязанной головой. Съ ними сейчасъ заговорили о Севастополѣ. Перелешинъ говорилъ, что на тамошнихъ батареяхъ много рвало у насъ орудій, и все Луганскаго завода; народу отъ этого погибло много. И здѣсь, заключилъ онъ, если бы мнѣ пришлось стоять на батареяхъ, я не опасался бы снарядовъ непріятельскихъ, но остерегался бы своихъ орудій, такъ они непрочны. И дѣйствительно, на здѣшнихъ укрѣпленіяхъ много поставлено орудій Луганскаго завода, и все—пушки 24-хъ фунтова, хотя мы и знаемъ, что онѣ непрочны.

Обѣдалъ у Павлова; передъ обѣдомъ прочиталъ бумагу Пихельштейна: самая придирчивая! Сейчасъ поймешь, что требуютъ хабары. Вѣрно, добрякъ Павловъ скушъ на это. Боже мой, когда-то у насъ прекратятся всѣ эти пакости! Не успѣли еще замолкнуть пушечные выстрѣлы, а уже канцелярскія кляузы начались. Будь я на мѣстѣ Павлова, и одна такая бумага заставила бы меня—или надѣлать рядъ глупостей, или бѣжать изъ службы. Но Павловъ разсудительнѣе меня. На него бумага никакого не произвела дѣйствія; прочитавъ ее, онъ даже не почесалъ свою лысину. Съ такимъ темпераментомъ на всякомъ мѣстѣ ужиться можно. Замѣчательно, что въ этой бумагѣ—Пихельштейнъ, на основаніи какихъ-то дошедшихъ до него слуховъ, дѣлаетъ строгій выговоръ и замѣчаніе Павлову за то, что онъ будто бы, по полученіи казенныхъ съ почты конвертовъ, не самъ ихъ распечатываетъ, а приказываетъ ихъ распечатывать въ канцеляріи;